

Осипов Геннадий Васильевич — руководитель Центра социологии и экономики знания Института социально-политических исследований РАН, профессор, академик РАН.

Голубицкий Юрий Александрович — старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, кандидат социологических наук.

Gennadii V. Osipov — Institute for Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences.

Yuriy A. Golubitskiy — Institute for Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences.

Куда идешь, Россия?

Перестройка и реформирование новой России осуществлялись не на базе научного подхода, а на основе мифотворчества неолибералов, которые своими действиями осознанно и планомерно вели страну к развалу. Вслед за президентом США Рональдом Рейганом они называли свою Родину «империей зла», поддерживали действия совокупного Запада, имевшие целью изоляцию СССР, нанесение экономике Советского Союза невосполнимого урона, разрыв научно-технического сотрудничества, запрет на предоставление новейших технологий.

Первый этап этого плана, завершившийся белевским сговором, удался: могучая сверхдержава развалилась по контурам союзных республик, что породило на огромных евразийских пространствах хаос, вооруженные конфликты, коллапс экономики, обнищание населения.

Второй этап, когда предполагалось развалить саму Российскую Федерацию, благодаря титаническим усилиям патриотов-государственников удалось предотвратить.

УДК 316.4

DOI: 10.33917/es-5.163.2019.58-69

Чтобы ответить на вопрос «Куда идешь, Россия?», авторы статьи проанализировали в социальном и экономическом аспектах период неолиберального реформирования. Подвели итог политическому противостоянию в лихие 90-е. Выявили основные тенденции комплексного развития РФ на ближнюю и среднесрочную перспективы. Впервые возникшая в стране ситуация, когда системный научный и ментальный подходы не находятся в бинарной оппозиции, а пребывают во взаимодействии исследовательских технологий, позволяет надеяться на успешное исследование сложных акторов общественной жизни.

Для успешного развития России, по мнению авторов, необходима суверенизация деятельности государства и общества; поддержка креативных направлений в интеллектуальной сфере; возвращение масс в активную политику; восстановление прямого и честного диалога между властью и гражданским обществом, без чего невозможно избавить значительную страту населения от мегакогнитивного искажения в отношении их надежд на социально справедливую трансформацию общества.

Ключевые слова

Неолибералы, реформы, инвестиции, монетарная политика, сырье, трансформации, цифровизация, ментализм, аналитика, вненаучный подход, нанотехнологии, футурология, перформанс.

Неолибералы планировали расчленить Россию на 50 территорий с совокупным населением до 50 млн человек. По расчетам западных экономистов и демографов, именно такого количества хватило бы, чтобы бесперебойно добывать полезные ископаемые, осуществлять их грязную в экологическом плане первичную переработку и поставлять металлы первичного передела, древесину, нефть и газ на границы страны.

Развал России был предотвращен не в последней очередь благодаря той работе, которую под огнем критики и поношений стоически вела небольшая группа российских ученых патристического, государственнического направления. Их объявляли антиреформаторами, реакционерами, врагами свободы и демократии. Массированный поток лжи и клеветы низвергался из печатных и электронных СМИ, подавляющее большинство которых в те смутные времена поддержало неолиберальных управленцев ельцинского набора и только-только народившихся в отринувшей социализм России разного рода нуворишей. Поток этот целил в честных ученых, их штаб — в Российскую академию наук, наследницу по духу и устремлениям Императорской академии наук. Мы насчитали более десяти крупных тщательно спланированных и скоординированных акций против академии, которые назвали «походами» по аналогии с походами-интервенциями Франции, Германии, США и Японии на молодую, неокрепшую Республику Советов [1].

Походы недругов российской науки на рубеже XX–XXI вв. на академию, так же как в свое время

Where are You Going, Russia?

To answer the question “Whither goest thou, Russia?”, the authors analyzed the period of the neoliberal reformation in the social and economic aspects. They summed up the political confrontation that had taken place in the “tumultuous” 1990s and identified the main trends towards the integral development of the Russian Federation for the near to medium terms. A situation that first occurred in the country, when the systems scientific and mental approaches are not in the binary opposition, but they are interacting research technologies, holds out hope for a success in studying the complicated actors of social life.

In the authors’ opinion, for Russia’s successful development one can need a sovereignty of the State and society, to support creative directions in the intellectual sphere, to return the masses to active politics and to restore a direct and honest dialogue between the Government and civil society, otherwise there would be no way to save a considerable stratum of the population from a metacognitive bias with regard to their hope for a social and just transformation of society.

Keywords

Neoliberals, reforms, investment, monetary policy, raw material, transformations, digitalization, mentalism, analytics, extrascientific approach, nanotechnology, futurology, performance.

➤ Могучая сверхдержава развалилась по контурам союзных республик, что породило на огромных евразийских пространствах хаос, вооруженные конфликты, коллапс экономики, обнищание населения.

походы стран Антанты и Тройственного союза с «гетманом на час» Скоропадским в придачу, удалось купировать. Академия выстояла. Но тактика лихих наскоков, которую применяли неолибералы от науки, сменилась осадой, рассчитанной на месяцы, а если понадобится, то и на годы. И академия дрогнула. Тем более что тут как тут объявились предатели, коллаборационисты, готовые за подачку от новых хозяев под покровом ночи открыть врагу ворота в родную цитадель.

(Как тут не вспомнить Н.А. Некрасова, который в поэме «Современники» привел цитату из рассказа писательницы Н.Д. Хвощинской: «Бывали хуже времена, / Но не было подлей».)

Если бы предупреждения и рекомендации научного сообщества были своевременно услышаны и приняты к исполнению руководящими органами страны, то величайшая геополитическая катастрофа века — уничтожение великого государства — не состоялась бы. Мир избежал бы состояния неопределенности, грозящей перерасти в глобальную катастрофу, в котором он пребывает до сих пор.

В экономической сфере по-прежнему инвестиционный голод. Статистика показывает некоторый рост производственных инвестиций, но это в основном репатриация капиталов, ранее вывезенных из России за рубеж. Слабы и неадекватны стоящим перед страной задачам финансовые, кредитные, фондовые и другие институты. Есть проблемы с наполнением и исполнением бюджета. Благоприятная конъюнктура мировых сырьевых рынков, позволявшая в начале 2000-х годов накапливать золотовалютные резервы и наращивать стабилизационный фонд, после резкого падения в середине десятилетия замедлилась, хотя в последние годы и пошла вверх.

Справедливости ради следует отметить, что в российском экспорте растет доля несырьевых товаров, в частности зерна и даже некото-

рых позиций в металлообработке, тем не менее сырье, в частности углеводородные энергоносители, по-прежнему составляет значительную часть российского экспорта. К положительным тенденциям можно отнести пополнение всероссийской флотилии как боевыми, так и гражданскими кораблями, построенными на российских верфях, обещанное на начало 2020-х годов серийное производство отечественного среднемагистрального узкофюзеляжного пассажирского самолета МС-21 и др. Несмотря на улучшения в экономике РФ, намеченное удвоение ВВП приходится корректировать в сторону понижения.

В социальной сфере наиболее значимой проблемой является негативный тренд массовых ожиданий. Население все в меньшей мере верит заверениям власти, что кардинальные улучшения «не за горами».

Не происходит необходимых структурных трансформаций постсоветского хозяйственного комплекса, без которых невозможно возвращение России в число ведущих технологических держав мира. Не разработаны управленческие, идеологические, культуртрегерские средства и технологии, которые помогли бы изжить застарелую российскую проблему — иждивенчество низовых слоев населения, — унаследованную со времен официального державного рабства — крепостного права. Привычка *получать* нищенское вознаграждение за кое-как исполненный труд, а не *зарабатывать* достойно трудом нелегким и ответственным, до сих пор является неприглядной особенностью менталитета значительного числа соотечественников. Тревожит, что авторитет президента страны в массовом сознании продолжает связываться прежде всего с ожиданием перемен к лучшему, а не с реальными результатами его деятельности.

Эти тенденции могут стать предпосылками для «бунта улицы», который, как показывает опыт цветных революций на постсоветском пространстве, да и доморощенный опыт собирательной «Болотной площади», есть кому подогревать, окормлять изнутри и извне.

Настораживает, что диалог общества с властью подменяется парадным, под телекамеры, общением президента с журналистами проправительственных изданий и телеканалов и некими «представителями общественности», которых непонятно кто выбрал на эту ответственную роль, требующую четкости и бескомпромиссности гражданской позиции.

Удручает, что СМИ перестают исполнять роль информатора общества и все в большей мере выступают пропагандистами внешней и внутренней политики Кремля, что немногие оппозиционные издания и радио-, телеканалы, оставшиеся в публичном информационном пространстве, не хотят, да, наверно, и не могут достойным образом оппонировать власти, то и дело скатываясь в диалог к крикливым обвинениям, зачастую непроверенным и недостоверным. Это вызывает раздражение и даже озлобленность значительной части населения, дискредитирует чрезвычайно важную, необходимую в демократическом обществе практику публичной критики власти.

Упомянутые негативные проявления и тенденции постепенно приводят к тому, что среднестатистический гражданин России воспринимает окружающую его действительность через призму когнитивного мегаискажения тех благих, изначально позитивных для всего общества перемен, о необходимости которых продолжают так много рассуждать на всех уровнях властной вертикали, но так мало пока что делают.

Учитывая, что Россия крайне нуждается в обновлении структур развития нового типа, эту сферу взаимовыгодного государственно-корпоративного стратегирования следует считать приоритетной. А в ней необходимо особо выделить задачу своевременного и качественного освоения цифрового уклада экономики и иных, определяющих ускоренное развитие, сегментов народнохозяйственного комплекса.

Наука, образование и разнообразные экономические практики в условиях становления электронно-цифровой стадии в развитии цивилизации становятся системообразующими факторами новой социальной реальности.

Одним из первых российских ученых, фундаментально исследующих философию, идеологию, теорию и практику электронно-цифровых технологий, является академик РАН С.Ю. Глазьев. В представленном им Изборскому клубу докладе, озаглавленном «Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века», Сергей Юрьевич к удивлению многих соclubников и гостей сессии начал не с впечатляющих перспектив цифровизации, а с тех угроз, которыми она чревата для национальной безопасности России и всего мирового сообщества.

Первая угроза — это кибертерроризм и кибершпионаж, ведущийся против России Соеди-

ными Штатами, их союзниками, другими странами и иностранными террористическими и преступными организациями, а также отдельными лицами и группами лиц.

США в рамках гибридной войны против России активно используют киберсредства как основное наступательное оружие, применяя их для шпионажа, сбора информации, а также для дезинформации российского руководства и граждан через каналы компьютерной коммуникации, в том числе социальные и специальные сети. Латентная угроза, которую несет эта деструктивная деятельность, заключается в том, что оборудование и программное обеспечение, произведенное странами НАТО, в нужный противнику момент может дать сбой и спровоцировать техногенную катастрофу, разрушительные последствия которой трудно даже представить.

Другие угрозы, по мнению С.Ю. Глазьева, носят экономический характер. Это уход от налогообложения, незаконный вывоз капитала, отмывание преступно полученных доходов с использованием криптовалют, осуществление незаконной предпринимательской деятельности посредством использования Интернета, включая электронную торговлю, финансовые услуги и др.

В особо интересующей нас социальной сфере угрозы, которыми чревата цифровая революция, прежде всего затрагивают рынок труда.

1. Активное внедрение цифровых технологий неразрывно связано со сменой технологических укладов в экономике, при которой неизбежны ускоренное создание роботизированных ра-

бочих мест, автоматизация управленческих процессов, растущее применение 3D-принтеров. Все это ведет к сокращению числа рабочих мест и к безработице.

2. Уже замещены автоматикой десятки миллионов сборщиков, фасовщиков, станочников, но социального бедствия, как во времена Великой депрессии, когда происходила предыдущая смена технологических укладов, не случилось. Молодые люди с энтузиазмом освоили новые профессии программистов, наладчиков, операторов. Пожилые — досрочно вышли на пенсию. Многие нашли себя в расширившейся сфере услуг.

3. В период «рыночных реформ» в России вопреки общемировой тенденции в первую очередь уничтожались производства современного технологического уклада, которые обеспечивали расширение занятости. Нынешнее оживление экономики существенно сдерживается дефицитом нужных стране высококвалифицированных кадров.

4. Суверенизация — это сейчас главная задача не только в области разворачивающейся «цифровой революции», но и во всей многообразной деятельности российского государства и гражданского общества по возрождению страны. Вызывает умеренный оптимизм то, что идеология «всемирности», «всечеловечности», которая агрессивно навязывалась россиянам неоллиберальной пропагандой в период смуты 1980–1990-х годов, не исказила национальных, идейных, морально-нравственных устоев, веками складывавшихся в сознании и душе русского человека. Ее как временную слабость, как морок отринуло большинство россиян.

«Цифровая революция» разрушает привычные стереотипы сознания, множит парадоксы. Что ж, порожденные ею головоломки в самый раз для нашей национальной ментальности. Ведь русский человек воистину «парадоксов друг».

«Будет такое время, что все важнейшие истины приведутся в числа, и тогда-то настанет век не золота, а цифры [курсив авт. — Примеч. ред.]; этот век будет истинно блаженный и получше хваленного золотого, когда люди вовсе считать не умели...» [2]. Эти слова Николая Алексеевича Полевого, замечательного русского публициста, учредителя и редактора первых отечественных журналов, родом из XIX в., но как созвучны они нашим дням! Вряд ли в западноевропейской

журналистике двухвековой давности отыщется подобное провидческое высказывание относительно нынешнего всемирного триумфа цифры. Увы, такие сложные трансформационные процессы происходят в нашей стране на фоне удручающего снижения образовательного и культурного уровня населения.

«Последние активные читатели среди политической элиты остались в прошлом. <...> Если бы наше маразматическое политбюро позднего брежневского периода умело читать книги, если бы они, к примеру, читали прозу сорокалетних, которую в 70–80-е годы писали Проханов и Маканин, Киреев и Орлов, Ким и Личутин, Крупин и Битов с их амбивалентными, противоречивыми героями, с их „лишними людьми“, с глубинным психологическим показом кризиса всего общества, блестяще продемонстрированном в прозе, <...> можно было предвидеть будущий перелом, будущую разруху державы и как-то удержать, остановить еще тогда, в 70-е годы» [3]. Это высказывание коррелируется с мнением американских социологов Пола Лазарсфельда и Роберта Мертона, которое имеет отношение к несколько иному аспекту проблемы чтения: неуклонному снижению адекватного понимания и усвоения содержания текстов в связи со снижением интеллектуального уровня читающей аудитории. «Люди читают больше, но понимают меньше. Больше людей читают, но пропорционально меньше усваивают то, что они читают» [4], сокрушаются исследователи американского общества. Одни — чванливые и социально не любопытные советские чинуши — нужную литературу читать не хотели. Другие — англосаксы — оказались настолько испорченными примитивной жвачкой массовой культуры, что уже не могли адекватно воспринимать прочитанные серьезные тексты.

Нам такая леность ума управленческой так называемой элиты стоила потери великой страны. Американцы идут к тому же итогу, хотя и своим путем. Уверовав в свою исключительность, в неуязвимость на изолированном двумя океанами континенте, они бросили вызов всему человечеству и посему обречены.

Важно подчеркнуть: ученые, писатели, иные деятели науки, культуры и искусства патриотического направления боролись за свободу и независимость новой России, за продолжение и укрепление в истории ее национального своеобразия, за ее право идти в завтра своим уникальным путем, когда делать это было не просто чрезвычайно сложно и непрестижно, но и небезопасно. В этом их принципиальное отличие от многих российских неолибералов, которые еще вчера выступали за уничтожение СССР и России, а ныне, в неблагоприятной для них общественно-политической ситуации, на ходу перекрасились и затаились, лелея надежду на реванш.

Для патриотических сил страны времена, казалось бы, изменились к лучшему, но опасность неолиберального реванша проникла в коллективное бессознательное и давит, как грозная туча, начиненная атмосферным электричеством. Грозные тучи нависли не только над нашей многострадальной Россией, но и над всем человечеством. За пределами Отечества они пока не столь очевидны и еще не нанесли такого урона, какой нанесли России и ее народам, но мало кто из способных адекватно воспринимать реальность сомневается в том, что ключевое слово в этой сентенции — «пока». «У меня складывается такое впечатление, что человечество погружается в новое (если приводить действительное сравнение) страшное средневековье не только в самой реальной жизни, но и в ее осмыслении. <...> Человечество заинтересовано в неизмеримо большей степени в обмане и самообмане, ибо истина несет с собой разочарование, угрозы. Она несет с собой нечто такое, от чего можно прийти в отчаяние» [5].

Автор этих слов А.А. Зиновьев в широте увлечений и устремлений был истинным сыном своего времени, в котором системный научный и ментальный подходы, пожалуй, впервые заявили о себе не в бинарной оппозиции, а во взаимодействии дополняющих друг друга исследовательских технологий, направленных на более полное и тонкое изучение как простых, так и сложносочиненных акторов и явлений общественной жизни.

«В чистом виде „ментализм“ предполагает, что внешняя по отношению к акторам среда существует в их представлениях и в текстах; акторы при этом ограничены не структурными или материальными обстоятельствами, а лишь возможностями восприятия и текстуальных интерпретаций» [6]. Цитату эту от автора всемирного бестселлера «Эмоциональный интеллект» приводит в своем монографическом очерке академик РАН А.А. Кокошин [7], активно исследующий вопросы и особенности ментального подхода к мирополитическим явлениям общественной жизни, в частности соотношение между индивидуальными и коллективными субъектами политического процесса. Если бы так глубоко и в столь креативном ракурсе в советское время исследовались ментальные

➤ **Американцы, уверовав в свою исключительность, в неуязвимость на изолированном двумя океанами континенте, бросили вызов всему человечеству и посему обречены.**

(в нашем случае психологические) проблемы дипломатического корпуса СССР, то вряд ли всплыли бы в горбачевскую перестройку и заняли ведущие позиции в советской дипломатии такие склонные к «комплексу Герострата» персоналии, как недоброй памяти министры иностранных дел Э.А. Шеварднадзе и А.В. Козырев, а с ними и свита подобных им антисоветчиков и русофобов из аппарата ведомства, готовых на постынные, ничем не обоснованные уступки Западу ради сомнительной похвалы европейских и американских коллег.

Удачное и перспективное взаимодействие системного научного и ментального подходов в отражении и изучении социальной реальности, на наш взгляд, демонстрирует социологический проект, осуществленный в Институте социально-политических исследований (ИСПИ) РАН при непосредственном участии авторов данного текста и сотрудника института, кандидата социологических наук, профессионального художника-живописца Святослава Гуляева. Этот проект, названный «XXI век: метафора социума», базируется на принципе конвергенции научного и художественного методов познания социума, на попытке сопряжения в единой исследовательской технологии *сентенции* и *метафоры*.

➤ Усилия американцев направлены не только на то, чтобы унижить и оскорбить Россию, ведомую ею евразийскую цивилизацию, но и на то, чтобы расчлениить и уничтожить нашу страну как единое государство.

Еще Освальд Шпенглер отмечал глубинный, сущностной дуализм, казалось бы, близких по внешнему выражению историко-социальных явлений, которые, тем не менее, по степени фиксации и познания относятся к разным психологическим типам человеческого восприятия. Он осознанно противопоставлял такие понятия, как природа и история, причинность и судьба, познаваемое и переживаемое, *элемент* в науке и *образ* в искусстве (курсив авт. — Примеч. ред.) [8].

Если сравнительно недавно рождение метафоры предполагало базовым элементом *наминативный образ*, то теперь все чаще эту роль выполняет *философско-социальная сентенция*. Проще говоря, не только художественная образность, но и научная логика на равных участвует в процессе метафоризации как в области возникновения новых феноменов, так и в перманентном пересмотре генезиса и реальной социальной значимости уже имеющегося, исключительно разнообразного корпуса метафор.

При этом необходимо помнить, что художественное мышление и художественное мировосприятие, в основе которых — *образ*, синтезирующий представления об объекте или процессе, все в большей мере оказывают влияние на научное сознание. Сошлемся, в частности, на изыскания голландского социолога Дика Пелса, который, исследуя взаимоотношения политики и экономики, определяет эти два понятия как «метафора политики» и «метафора экономики». По мнению Д. Пелса, оба эти вокабулярия осуществляют расколдовывание и деконструкцию, поскольку обнаруживают в качестве характерных особенностей профессионального поиска знания нечто аналогичное жажде наживы или воле к власти. «Интрига состоит в том, — пишет Д. Пелс, — что эта радикальная идея относительно сговора между когнитивными и социальными элементами в науке, а также ситуативности и обремененности интересами ее продуктов, получила выражение в двух классических вариациях расколдовывания: „марксистской“, касающейся экономики и капитала, и „ницшеанской“, касающейся политики и власти¹. <...> Каждая по-своему выявляет нерасторжимую двойственность когнитивных и стратегических интересов и вытекающую из нее „агонистиче-

скую“ структуру научного предприятия². Таким образом, *обе метафоры* [курсив авт. — Примеч. ред.] представляются одинаково полезными с точки зрения низвержения того, что Ницше называл „аскетическим“ идеалом философской истины, и освобождения (*disburdening*) науки от ее традиционных эпистемологических привилегий» [10].

Показательно высказывание французского социолога Пьера Бурдьё о роли литературных приемов в социальной науке: «Забота о том, чтобы дать почувствовать или дать понять, вызванная непосредственным присутствием внимательного слушателя <...> подталкивает на поиск *метафор и аналогий* [курсив авт. — Примеч. ред.], которые, если сумеешь оговорить их ограничения на момент использования, позволяют дать первое интуитивное приближение к наиболее сложным моделям и, таким образом, подвести к более строгому представлению» [11].

Следует признать, что советское обществоведение оказалось не готово ни в системном, ни в ментальном отношении к тому кризису, в который с конца XX в. погрузилась Россия. Как считает политолог С.Г. Кара-Мурза, причины столь плачевного состояния дел в отечественной науке об обществе кроются в слабом развитии или даже отсутствии рационального (прагматического, научного) компонента, который оказался практически вытеснен внеученым идеологическим пафосом. «Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром механистического детерминизма, унаследованной от ньютоновской модели мироздания верой в то, что наш мир прост и устроен наподобие математически точной машины. Но в России мировоззренческий кризис 80–90-х годов XX в. привел к поражению даже и этой механистической рациональности» [12]. Мировоззренческий слом, обрушение идеологической конструкции, на протяжении десятилетий удерживавшей архитектуру советского общества, с неизбежностью должны были привести к коллапсу всей управленческой системы страны, настроенной на административно-командную форму правления, привести к разрушительному кризису экономики и, как следствие, разброду и шатанию в общественных и межличностных отношениях.

Последние по времени создания научные изыскания аналитической группы ИСПИ РАН, которые опубликованы в книгах серии «Перспективные проекты XXI века: конструирование современной социальной реальности», на словах признаются и даже поддерживаются, а на деле поднатеревшее в подковерной борьбе «закулисье» с воодушевлением, достойным лучшего применения, отвергает их и ставит препоны на пути реализации. Делается все, чтобы не позволить теоретическим выкладкам преобразиться в практическую конкретику, которая в состоянии приумножить силовую мощь, материально-техническое развитие России, обеспечить ее безопасность, способствовать росту благосостояния народа, наращивать фундамент грядущих научных, социальных и прочих достижений страны.

Возрождается в непринципиально видоизмененном виде все та же пагубная для страны мифология, которая в период горбачевской «катастрофы» сыграла зловещую роль, поспособствовала развалу СССР, ставшему геополитической катастрофой столетия.

Объективное зеркало социального анализа уже на ранних стадиях неолиберального реформирования показывало РФ в самом неприглядном виде. В результате в стране сложилась такая социально-политическая и социально-экономическая реальность, к которой никто не стремился и которой никто не желал.

Отсутствие научно разработанных теоретических основ социально-экономического реформирования России привело в конечном итоге к тому, что, как и прежде, на смену одним соци-

альным мифам (о развитом социализме, переходе к коммунизму и т.д.) пришли другие, не менее одиозные мифы (о единой для всех наций и народностей англо-саксонской цивилизационной модели развития, о тотальном рынке, успешно решающем все вопросы, о «конце истории» и др.). Практическая реализация новых мифов различными властными структурами и политическими силами привела в действие такой социальный маховик, который стал крушить все на своем пути, отбрасывая развитие страны на десятилетия назад.

Неконструктивная критика реформирования, сопутствовавшая социальному мифотворчеству, будучи сведена к бесконечным обвинениям и разоблачениям (в большинстве случаев справедливым), не приостановила, а лишь усугубила процесс абсолютного разрушения. И как неизбежный результат социальные явления и процессы, порожденные социальными мифами, вступили в противоречие с основными закономерностями развития современной цивилизации, нормами и принципами, выработанными в ходе многовековой социальной практики.

Вот основные мифы, которые неолиберальные пропагандисты внедряли в сознание россиян в качестве своеобразной *дымовой завесы*, призванной скрыть истинные, пагубные для России цели и задачи неолиберального реформирования:

- об упразднении командно-административной системы в государственном управлении, что без внедрения в управленческую практику комплекса переходных мер угрожало уничтожением государства и государственности;
- о всемогуществе свободного рынка, который сам по себе решит все сложнейшие проблемы экономики и социальной сферы;
- о демократии как самоцели и средстве решения всех проблем, что на практике ведет к отрицанию профессионализма, компетенции, науки, к установлению авторитаризма и тирании;
- о приватизации как средстве создания изобилия в обществе, о якобы безальтернативности частной инициативы в преодолении доставшихся от Советского Союза застоя и упадка в хозяйствовании;
- о возможности перехода к новым политическим, экономическим и социальным структурам без правового регулирования этого процесса;
- о русском империализме, об отождествлении политического и управленческого центра СССР с постсоветской Россией, что на практике привело к ничем не обоснованным претензиям к Рос-

сийской Федерации, к быстрому и бесцеремонному дележу советского наследия, при котором законные национальные интересы РФ учитывались в последнюю очередь;

- о якобы выгоде для территорий бывшего Советского Союза и населяющих их народов вхождения в евро-американскую цивилизацию;
- о безраздельной свободе средств массовой коммуникации, что на деле нередко оборачивается манипуляциями информационной системой, средствами печатной и особенно электронной информации в угоду властям предержащим и держателям капиталов и в ущерб обществу в целом;
- о том, что реформирование российского общества возможно осуществить без опоры на науку;
- наконец, самый опасный из всех мифов, сочиненный неолибералами, — о том, что Запад нам поможет, что Запад только и думает о том, чтобы демократия в России крепла и развивалась, а рыночные отношения — цивилизованные и правильно регулируемые государством — были поставлены на службу народов России.

Практика развеяла этот миф. Россия не нужна Западу. Более того, не нужна ему и евразийская цивилизация, сложившаяся в России на основе тысячелетнего взаимодействия славянских и тюркских народов, населяющих безграничные пространства Российской империи — СССР — Российской Федерации и соседних с ней в Азии союзнических государств.

Гегемонистские устремления «империи зла», каковой в настоящее время в глазах многих народов являются США, несовместимы с наличием сильной и независимой России. Оттого усилия американцев направлены не только на то, чтобы унижить и оскорбить Россию, ведомую ею евразийскую цивилизацию, но и на то, чтобы расчлениить и уничтожить нашу страну как единое государство.

«Все на свете есть миф», утверждал русский философ Алексей Федорович Лосев, словно стремясь упредить наше бессмысленное стремление затеять борьбу до победного конца с политико-социальным мифотворчеством как таковым. В наше время тотального противостояния всех против всех политическое мифотворчество все в большей мере становится латентной формой поддержки «своих» и компрометации «чужих».

Эту особенность современного мифотворчества отметил в книге со значимым названием

«Миф тесен» публицист А.Г. Баунов: «Наш мир населен от Тартара до Олимпа мифическими персонажами. Называем вроде бы исторические имена: Жуков, Столыпин, Кутузов, а они все пречистые горгоны. И вот еще доказательство, что миф никуда не вытеснен наукой, журналистикой, информацией. Мы живем в окружении мифических народов. Раньше были листригоны, феаки, амазонки, циклопы, псоголвы. Но и сейчас мир заселен такими же. Зайдите в Интернет. На Западе живут страшные пиндосы, которые во все лезут и всем правят. С юга надвигаются грозные хачи и чурки. По-прежнему существует хотя слабеющий и вымирающий, но крайне влиятельный народ — жидомасоны. По миру рассеяны злобные либерасты — этих особенно много в Европе, но они умудрились тайно поработить весь мир. Их заклятые враги — народ совков. <...> Появились и новые мифические страны: Лугандон, Даунбасс, Крымнаш, Новороссия, рашка (у названия этой страны уникальная орфография, оно всегда пишется с маленькой буквы), Укропия, Москвабад. Армии воюющих мифических народов называются „террористами“ и „фашистами“. Люди эти, как писал еще Геродот, питаются сырой рыбой и шишками» [13].

Казалось бы, уел так уел с помощью изоциронного сарказма молодой прогрессист наших замшелых и недалеких сторонников конспирологии (одна из глав книги «Миф тесен» названа А.Г. Бауновым «Конспирология как мировоззрение рабов»), но при углубленном и спокойном анализе его задано парадоксальных текстов понимаешь, что умелой публицистической иронией-сарказмом не отменить ни один из перечисленных пересмешником феноменов.

Что до мифа, то, чтобы в приемлемом для социальной науки виде приручить его, следует вслед

за А.Ф. Лосевым познать новейшую мифологию «в наипростейшей биологически-интуитивной непосредственности соприкосновения сознания и вещей». В предисловии к работе 1930 г. «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев поделился с читателем технологией мифологического познания: «Я беру миф так, как он есть, т.е. хочу вскрыть и позитивно зафиксировать, что такое миф сам по себе <...> и прошу брать от меня только то, что я даю — то есть одну диалектику мифа. Диалектика мифа невозможна без *социологии* [курсив авт. — Примеч. ред.] мифа» [14].

➤ Мир неуклонно идет к максимально возможной социализации и обернется в итоге всемирной корпорацией трудящихся, в которой не эгоизм, а альтруизм станет исполнять главную роль.

Социологией мифа наш институт занимается с первых дней своего существования [15, 16]. Именно социология — едва ли не единственная научная дисциплина, способная десакрализовать искусственно возвращенный миф, выявив его главное на современном этапе общественное предназначение, а именно: быть инструментом повышения/понижения рейтинговых величин в противостоянии противоборствующих политических сил.

Мир вступил в период социальных наук. В первой половине XX в. фундаментальными прорывами в области естественных наук являлись теория относительности и квантовая механика. Во второй половине этого же столетия их сменили теория хаоса, нелинейная наука и, соответственно, социальные технологии.

На малый срок нельзя позволить себе забыть о том, что социальная реальность функционирует не по абсолютным законам, а по законам человеческой деятельности, которая, в свою очередь, создает, постоянно изменяет, совершенствуя, законы самой социальной реальности. Пожалуй, это самые динамичные законы, ведь они призваны последовательно отражать все изменения социума и постоянно соответствовать реальному положению дел.

Главным действующим лицом социальной реальности становится человек и его социальная деятельность. Вне социальных действий человека нет и не может быть никакой социальной реальности. Человек создает социальную реальность и социализирует естественную природу, воздействуя на нее и изменяя.

Встает вопрос о переходе к новому алгоритму принятия и исполнения решений как на глобальном, так и национальном уровне.

Что может стать фундаментом и одновременно технологической базой такого управленческого алгоритма?

Прогнозирование?.. Но институционализация системного прогнозирования, придание ему в той либо иной мере исследовательского статуса — это признание стихийности в развитии соци-

альной реальности как на глобальном, так и региональном уровне, и означает отсутствие или критический дефицит научного знания о процессах и явлениях современной социальной реальности.

Большинству ученых, общественных деятелей, политиков вне зависимости от их идейных пристрастий будущее видится не просто социально детерминированным, но в той или иной мере *социалистическим*. Даже стойкие адепты капитализма отдают себе отчет в том, что мало чем ограниченная экономическая свобода индивидуумов, характерная для общества накопления и инвестиций капитала, выгодных, прежде всего, самому инвестору, это ситуация временная, что мир неуклонно идет к максимально возможной социализации и обернется в итоге всемирной корпорацией трудящихся, в которой не эгоизм, а альтруизм станет исполнять главную роль.

До сих пор неудачи в социальном мироустройстве в основном пытались объяснить недостаточно научным наполнением управленческих практик и дефицитом позитивного опыта у самих управленцев. Но и академики от экономики не блеснули, скажем прямо, прорывными идеями, которые помогли бы России воспрянуть ото сна и преодолеть затянувшуюся депрессию.

Быть может, стоит в новых социально-экономических реалиях вспомнить опыт прошлой России? В частности, теорию «малых дел», которая в рамках идеологии народничества осуществлялась в 1860–1910-х годах в Российской империи как мирная, постепенная, эволюционная инициатива молодых русских интеллигентов-раз-

ночинцев, направленная на улучшение жизни основного класса — российского крестьянства. Вспомните, что не такими уж и «малыми» становились те дела, за которые брались народники, и уж точно были социально значимыми и полезными крестьянскому миру.

«Идя в народ», они несли своим соотечественникам грамоту и азы научно-естественного миропонимания, лечили их самих и их семьи во время частых в тот период эпидемий.

Помимо утилитарной пользы просвещенческого и медицинского окормления народа каждодневный тихий подвиг народников демонстрировал высокий нравственный императив, являл собой достойный пример для подражания, способствовал установлению межклассового мира, укреплял, сплачивал нацию.

Невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Говоря о теории малых дел, о земстве, мы, конечно же, не призываем вернуться в минувшее, а имеем в виду, что желательно было бы обратить внимание на формы общественного обустройства, предполагающие максимальное вовлечение широких народных масс.

Земство наряду с народничеством зиждется на идее бескорыстного служения свободно избранных обществом граждан общественным интересам и не предполагает извлечения выгоды лично для себя. Оно, как считают А.И. Солженицын и его адепты, в наибольшей мере, можно сказать онтологически, сущностно, соответствует заложенным в глубинное сознание нации идеям соборности, всеобщности. «Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть тако-

вым для всех. Наше общее согласие, возможное единогласие, которое я непосредственно усматриваю в своем сознании, есть для меня безусловный внутренний критерий...» [17].

Возрождение земства в России и естественная, нефорсированная передача на местный, низовой уровень значительного перечня управленческих функций со временем сделает излишним чрезмерное по номенклатуре и срокам планирование многих видов производственной деятельности, приучит не формально, а самым непосредственным образом подконтрольных избирателям управленцев заниматься решением, прежде всего, тактических, неотложных задач территории, шаг за шагом благим образом обустроявая свое село, свой район, округ и — как итог — свою страну. И развяжет руки народной инициативе в определяющих направлениях того или иного комьюнити. Наступит гармония отношений, как выразился Федор Михайлович Достоевский, — «вселенский концерт».

Сам по себе концерт этот, естественно, не состоится. Его необходимо подготовить, правильно воспитав участвующих в нем исполнителей. Преобразовать безликую, априори консервативную людскую массу в народ, в содружество

References

1. Osipov G.V. *Rossiiskaya akademiya nauk — velikoe natsional'noe dostoyanie* [Russian Academy of Sciences — a Great National Treasure]. Moscow, Izd-vo Ros. gos. sots. un-ta, 2006.
2. *Novyi zhivopisets obshchestva i literatury, sostavlennyi Nikolaem Polevym* [The New Painter of Society and Literature, Compiled by N. Polev]. Chast' 3. Moscow, 1832, pp. 6–7.
3. Bondarenko V. *Trudno byt' russkim. Novyi ekstremizm* [It's Hard to be Russian. The New Extremism]. Moscow, Metagalaktika, 2007, p. 6.
4. Lazarsfel'd P., Merton R. *Massovaya kommunikatsiya, massovye vkusy i organizovannoe sotsial'noe deistvie* [Mass Communication, Mass Tastes and Organized Social Action]. V kn.: Levada Yu. *Sochineniya. Izbrannoe. Sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005* [Works. Favorites. Sociological Essays]. Moscow, Izdatel' Karpov E.V., 2011, p. 52.
5. Zinov'ev A. *O Rossii, o Zapade, o zagranitse i o sebe...* [About Russia, the West, about Foreign Countries and About Himself...] Stenogramma sovmestnogo zasedaniya Akademii sotsial'nykh nauk, Moskovskogo intellektual'no-delovogo kluba, kluba "Realisty" i Instituta sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN. 29 oktyabrya 1997 g. [Transcript of a Joint Meeting of the Academy of Social Sciences, the Moscow Intellectual Business Club, the Realists Club and the Institute for Social-Political Research of the Russian Academy of Sciences. October 29, 1997]. Moscow, ISPI RAN, 1998, p. 8.

соратников и соратников. Осуществить долговое для патриотов России «возвращение масс», способных вернуть под свой политический контроль и управление хранящие бунтарский дух восстаний площади городов, и научную лабораторию, и заброшенную пашню в глубинке, и студию художественного эксперимента, и несговорчивый, пассионарный, служащий трудовому народу, а не нуворишам парламент.

Никто не сделает это за нас...

ПЭС 19052 / 29.05.2019

Примечания

1. «Ницше определил в качестве общего фокуса... философского дискурса властные отношения, в то время как для Маркса таким фокусом были производственные отношения» [9].

2. Эпистемологическое совпадение ориентированных на истину когнитивных интересов (датск. *belangstelling*) со стратегическими интересами (датск. *belang*) гораздо лучше передается английским *interest* или французским *intérêt/intéressement*, чем датским прилагательным *belang-rijik*.

Источники

1. Осипов Г.В. Российская академия наук — великое национальное достояние / Г.В. Осипов; Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. (ИСПИ) РАН. М.: Изд-во Рос. гос. соц. ун-та, 2006.

2. Новый живописец общества и литературы, составленный Николаем Полевым. Ч. 3. М., 1832. С. 6–7.

3. Бондаренко В. Трудно быть русским. Новый экстремизм. М.: Метагалактика, 2007. С. 6.

4. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие: В кн.: Левада Ю. Сочинения // Избранное. Социологические очерки. 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 52.

5. Зиновьев А. О России, о Западе, о загранице и о себе... // Стенограмма совместного заседания Академии социальных наук, Московского интеллектуально-делового клуба, клуба «Реалисты» и Института социально-политических исследований РАН. 29 октября 1997 г. М.: ИСПИ РАН, 1998. С. 8.

6. Голдманн К. Международные отношения: общие проблемы: В кн.: Политическая наука: новые направления / Под ред. А. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М.: Вече, 1999. С. 400.

7. Кокошин А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ленанд, 2008. С. 54.

8. Шпенглер О. Закат Европы. Т. I. Образ и действительность. М. — Пг.: Изд-во Л. Френкель, 1923.

9. Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*, ed. Colin Gordon, New York: Pantheon Books, 1980. P. 53.

10. Пелс Д. Смешение метафор: политика или экономика знания? В кн.: Знание: собственность и власть. М., 2010. С. 11–12.

11. Бурдьё П. Начала. М., 1994. С. 11.

12. Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение: Курс лекций. Ч. I. М.: Научный эксперт, 2011. С. 6.

13. Баунов А. Миф тесен. М., 2015. С. 10–11.

14. Лосев А. Диалектика мифа: Предисловие: В кн.: Философское наследие / Состав., науч. подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. С. 14–15.

15. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма, 2002. 656 с.

16. Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М.: Норма, 2000. 543 с.

17. Трубецкой С.Н. О природе человеческого познания. В кн.: Сочинения. М.: Мысль, 1994. С. 495.

6. Gouldmann K. *Mezhdunarodnye otnosheniya: obshchie problem* [International Relations: General Problems]. V kn.: Politicheskaya nauka: novye napravleniya [Political Science: New Areas]. Moscow, Veche, 1999, p. 400.

7. Kokoshin A. *O sistemnom i mental'nom podkhodakh k miropoliticheskim issledovaniyam: Kratkii ocherk* [On the Systemic and Mental Approaches to World Political Research: A Brief Outline]. Moscow, Lenand, 2008, p. 54.

8. Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Fall of Europe]. T. I. *Obraz i deistvitel'nost'* [Image and Reality]. Moscow — Petrograd: Izd-vo L. Frenkel', 1923.

9. Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*, ed. Colin Gordon, New York: Pantheon Books, 1980, p. 53.

10. Pels D. *Smeshenie metafor: politika ili ekonomika znaniya?* [Mixing Metaphors: Politics or Economy of Knowledge?] V kn.: *Znanie: sobstvennost' i vlast'* [Knowledge: Property and Power]. Moscow, 2010, pp. 11–12.

11. Burd'e P. *Nachala* [Beginnings]. Moscow, 1994, p. 11.

12. Kara-Murza S.G. *Krizisnoe obshchestvovedenie* [Crisis Social Studies]. Kurs lektzii. Ch. I. Moscow, Nauchnyi ekspert, 2011, p. 6.

13. Baunov A. *Mif tesen* [Myth is Cramped]. Moscow, 2015, pp. 10–11.

14. Losev A. *Dialektika mifa: Predislovie* [Dialectics of Myth: Foreword]. V kn.: *Filosofskoe nasledie* [Philosophical Heritage]. Moscow, Mysl', 2001, pp. 14–15.

15. Osipov G.V. *Sotsiologiya i sotsial'noe mifotvorchestvo* [Sociology and Social Myth-Making]. Moscow, Norma, 2002, 656 p.

16. Osipov G.V. *Sotsial'noe mifotvorchestvo i sotsial'naya praktika* [Social Myth-Making and Social Practice]. Moscow, Norma, 2000, 543 p.

17. Trubetskoi S.N. *O prirode chelovecheskogo poznaniya* [On the Nature of Human Cognition]. V kn.: *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl', 1994, p. 495.